

Майарана Мистеру

**Тёмная истинная
инквизитора драконов**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М65

Мистеру М.

М65 Тёмная истинная инквизитора драконов / Майарана Мистери. – М.: Литнет, 2026. – 194 с.

ISBN 978-5-521-98994-2

Я думала, хуже уже не может быть, пока не очнулась в теле черной ведьмы. Верховный инквизитор Кассиан де Мор собирался меня казнить, но вместо казни нас связала метка истинности. Теперь мы скованы магией и взаимной ненавистью. Убить меня он не может, но и отпустить не в силах. Чтобы очистить имя и остановить заговор, мне придется применить навыки следователя, а Кассиану – защищать ту, кого он считает монстром.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-98994-2

© Литнет, 2026
© Мистеру М., 2026

1

Смерть пахла не лекарствами и не стерильной белизной больничных простыней. Она пахла ржавым железом, мокрой соломой и чужим страхом. Тем густым, животным ужасом, который источает человеческое тело, когда понимает, что конец близок.

Первым вернулось чувство боли. Она накатывала волнами, пульсировала в висках тупыми молотками, раздирала горло так, словно я наглоталась битого стекла, и выкручивала суставы с методичностью опытного палача. Я попыталась вдохнуть, но рёбра отозвались острой вспышкой, заставив захрипеть и скрючиться на ледяном полу.

Пол был каменным. Шершавым под щекой. Это стало первым осознанным наблюдением, и мой разум ухватился за него, как утопающий хватается за обломок мачты в штормовом море.

– Очнулась, тварь, – голос донёсся откуда-то сверху, грубый и каркающий, с незнакомым гортанным акцентом.

Я разлепила веки. Мир плыл перед глазами – смазанный, серый, грязный, словно я смотрела сквозь мутное запотевшее стекло. Под щекой растекалась лужа чего-то липкого. Холод пробирал до костей, заставляя зубы стучать, но внутри, в районе солнечного сплетения, разгорался странный болезненный жар, будто я проглотила раскалённый уголь, и теперь он медленно, неумолимо прожигал путь к сердцу.

«Так, спокойно, Волкова. Анализ ситуации». Внутренний голос звучал привычно и деловито, хотя паника уже подступала к горлу, грозя захлестнуть рассудок мутной волной. За восемь лет в убойном отделе я усвоила одну простую истину: паника убивает быстрее любой пули.

Последнее, что сохранила память – склад в промзоне на Выхино. Наводка на притон, где держали похищенную дочь депутата. Темнота между ржавыми контейнерами, запах машинного масла и гниющего

мусора. Вспышка выстрела из-за угла. Жжение в груди, такое яркое и всепоглощающее, что на мгновение показалось, будто внутри взорвалось маленькое солнце. А потом крик Грачевского и темнота, поглотившая всё.

По всем законам физики и медицины мне полагалось лежать сейчас в морге с биркой на большом пальце ноги. Или на операционном столе, если повезло. Но никак не на каменном полу, который пах сыростью.

Я попыталась поднять руку, чтобы ощупать грудь и проверить входное отверстие. Раздался тяжёлый, металлический лязг, леденящий душу. Руки рвануло вниз, и что-то больно впилося в запястья.

Кандалы. Не наручники, а именно кандалы – грубые, шершавые, словно из музея пыточных инструментов. Тяжёлая ржавая цепь тянулась к железному кольцу, вмурованному в стену.

Но ужас вызвало не это.

Ужас вызвали сами руки.

Тонкие, бледные, почти прозрачные, с голубыми прожилками вен под молочно-белой кожей. Длинные изящные пальцы с обломанными ногтями, под которыми запеклась тёмная кровь. Я смотрела на них и не узнавала, потому что это были не мои руки. У меня остался шрам от ожога на левой кисти – память о сложном расследовании и неудачном задержании пиромана три года назад. У меня была мозоль на пальце от ручки, короткие практичные ногти, чуть загрубевшая кожа.

А эти руки принадлежали кому-то совсем другому, но уж точно не двадцативосьмилетнему следователю убойного отдела Марине Сергеевне Волковой.

– Пить... – собственный голос показался мне чужим, высоким, сорванным на хрип, с какими-то незнакомыми нотками. Не мой низкий, прокуренный, с характерной хрипотцой, которую коллеги в шутку называли «следовательской», а чей-то совершенно другой.

– Яду тебе выпить, ведьма. – Смачный плевок прилетел мне в щёку, тёплый и отвратительный, и медленно потёк по коже.

Я дёрнулась, вытирая лицо о тонкое костлявое плечо, обтянутое грубой тканью какого-то мешковатого балахона. Глаза наконец сфокусировались.

За решёткой из толстых железных прутьев стоял мужик в кожаном доспехе с металлическими бляхами и заклёпками. На поясе висел короткий меч в потёртых ножнах. Лицо у него было грубое, небритое, с оспинами на щеках и злобным прищуром маленьких глаз.

Он смотрел на меня с такой смесью ненависти и суеверного ужаса, с какой смотрят на бешеных собак перед отстрелом или на прокажённых перед изгнанием за городские стены.

Я вообще-то хорошо знала этот взгляд. Часто видела его в глазах свидетелей, опознающих убийц, в глазах родственников жертв. Но прежде он никогда не был направлен на меня.

— Где я? — спросила я, стараясь вложить в чужой голос хоть каплю той властности, которая когда-то заставляла подозреваемых потеть и путаться в показаниях.

— В преисподней, куда ты сама себя загнала. — Стражник оскалился, показав гнилые пеньки зубов. — Верховный уже ждёт. Молись своим тёмным богам, чтобы сдохнуть быстро. Хотя с Кассианом де Мором «быстро» не бывает, он любит свою работу. Поговаривают, последняя ведьма кричала три дня, прежде чем душа покинула её тело.

Кассиан де Мор? Имя кольнуло слух, незнакомое и одновременно угрожающее. Глава местного картеля? Начальник какого-нибудь спецотдела? Бандитская кличка?

Мысль о попаданцах, о фантастических романах, которые я пролистывала в метро по дороге на работу, снова всплыла в сознании, и я снова её отсекла. Непрофессионально. Ненаучно. Сначала факты, только факты.

2

Дверь камеры отворилась с таким скрежетом, словно петли не смазывали целую вечность. Вошли двое здоровенных детин в черной одежде. Лиц их я не запомнила, только приятный запах, резонирующих с местными, да ощущение грубых рук, рывком вздёрунувших меня на ноги.

Я едва устояла. Ноги подгибались, словно ватные, будто я не ходила несколько дней или даже недель. Тело казалось чужим, неправильным, слишком лёгким и хрупким. Жар в солнечном сплетении усилился, и волна тошноты прокатилась от желудка к горлу.

Меня выволокли в коридор, освещённый чадящими факелами. Промасленная ветошь на деревянных палках отбрасывала пляшущие оранжевые блики на стены из грубого камня. Потолок нависал так низко, что конвоиры пригибали головы.

Это не было похоже ни на один изолятор временного содержания, который я видела за всю карьеру. Это было похоже на декорации к историческому фильму или на кошмар, упорно не желающий заканчиваться.

— Шевелись, ведьма!

Меня тащили по лабиринту коридоров, и профессиональная привычка заставляла машинально отмечать детали: кладка старая, камни разного размера уложены на известковый раствор, на стенах сырость и конденсат, на полу лужи. Никакой электрической проводки, никаких ламп, ни единого признака современности. У конвоиров на ногах сапоги из грубой кожи, на поясах висят странные предметы и камни.

«Либо я в коме, – думала я, стараясь не споткнуться на неровном полу, – и это бред умирающего мозга. Либо экспериментальные наркотики. Либо что-то, чего я пока не понимаю и не могу объяснить».

Меня втолкнули в просторное помещение, и здесь пахло совсем иначе: чистотой, дорогим воском, какими-то благовониями и кровью. Свежей, металлической ноткой крови, которую не мог перебить никакой аромат.

Комната оказалась круглой, что само по себе было странно. Стены облицованы тёмным деревом, испещрённым вырезанными символами. То ли рунами, то ли буквами неизвестного алфавита.

В нишах горели голубые огни, отбрасывая пляшущие тени. На полу раскинулась мозаика из чёрного и белого камня, складывающаяся в узор, от которого начинала кружиться голова, если смотреть слишком долго.

В центре комнаты стоял деревянный стул, с высокой спинкой, с кожаными ремнями на подлокотниках и ножках, с металлическим обручем на спинке. Я видела такие в музее криминалистики, в разделе древних методов допроса. Электрический стул по сравнению с этим казался гуманным изобретением.

Напротив, за массивным столом из чёрного дерева, сидел мужчина.

Он не поднял головы, когда меня швырнули на стул и принялись затягивать ремни. Он перебирал пожелтевшие листы пергамента, исписанные каллиграфическим почерком так медленно, словно располагал всей вечностью. В свете огней блеснул перстень на его пальце: массивный, серебряный, с чёрным камнем, в глубине которого будто клубился дым. Те же символы, что покрывали стены, змеились по ободку.

Стражники закончили и вышли, оставив нас наедине. Только тогда он поднял голову и посмотрел на меня.

Глаза у него были цвета стали – холодные, пустые, бесконечно уставшие. Зрачки сужены в тонкие вертикальные щели, определенно нечеловеческие, словно принадлежащие какому-то древнему хищнику. Но когда его взгляд сфокусировался на мне, эти зрачки дрогнули и медленно расширились, заливая радужку чернотой.

У него было хищное лицо, с резкими скулами и впалыми щеками, перечёркнутое тонким белым шрамом у левого виска. Тёмные волосы,

тронутые ранней сединой, мягкими волнами лежали на плечах. Возраст угадывался с трудом.

От него веяло ледяной силой и спокойным, привычным насилием, от которого мне, повидавшей маньяков и убийц всех мастей, захотелось вжаться в спинку стула, раствориться, исчезнуть, перестать существовать.

Я знала взгляд убийц. Знала взгляд безумцев. Знала взгляд тех, кому нечего терять.

Но этот взгляд был другим. Это был взгляд человека, абсолютно уверенного в своей правоте, человека, который делает грязную работу не потому, что наслаждается ею, а потому, что кто-то должен её делать. И этот кто-то – он.

– Элеонора Вайс, – произнёс он тихим, бархатным и опасным, как шипение змеи перед броском, голосом. – Двадцать пять лет. Уроженка Нордхольма. Дочь аптекаря. Адептка тёмного ковена Сальверхос.

Он говорил, не заглядывая в бумаги, будто учил наизусть.

– Я думал, ты умнее. Пытаться проникнуть в хранилище великой печати с такой аурой... – Он покачал головой, как наставник, разочарованный нерадивой ученицей. – Ты светилась, словно маяк в ночи. Мои люди засекли тебя за три квартала.

Он встал из-за стола и медленно обошёл его, приближаясь ко мне бесшумной походкой хищника. Рука его скользнула к поясу и отцепила странный предмет.

Это не было оружием в привычном понимании. Ни ножом, ни стилетом, ни кинжалом. Тонкий перекрученный стержень из материала, жадно поглощавшего свет голубых огней, не дававшего ни единого отблеска. Не металл, не камень, не кость. Нечто неправильное, тошнотворное, существующее словно одновременно здесь и где-то ещё. Глаз отказывался на нём фокусироваться, соскальзывал, как с капли ртути.

От одной его близости по коже побежали мурашки, волосы на руках встали дыбом. Воздух вокруг сгустился, стал вязким

и тяжёлым, а жар в солнечном сплетении вспыхнул болью, словно откликаясь на присутствие этой штуки.

– Твои сообщники мертвы, – сказал он без тени злорадства или торжества.

Он поднёс чёрный стержень к моему лицу – медленно, почти нежно. Едва кончик коснулся подбородка, меня накрыло.

Не током, не обычной болью, а чем-то куда более глубоким и страшным. Ледяная волна хлынула внутрь, выворачивая наизнанку. Мышцы свело судорогой, голова запрокинулась, из горла вырвался хрип. Перед глазами вспыхнули чёрные искры, и на мгновение мне почудилось, что я вижу – нет, ощущаю – что-то живое и горячее внутри себя, что-то пульсирующее. И оно корчило от прикосновения стержня, как слизень, посыпанный солью.

– Твой ковен разгромлен. – Он убрал стержень, и боль отступила так же внезапно, как пришла, оставив после себя тошноту и металлический привкус на языке. – Ваша верховная мертва. Мы нашли алтарь, нашли книги, нашли имена.

Он присел передо мной на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Так близко, что я ощутила его запах – чистоту, кожу, что-то горькое и травяное.

– У тебя есть один шанс вымолить быструю смерть, Элеонора Вайс. Один. Расскажи мне о ритуале, который вы готовили. Расскажи о разломе. И я обещаю: ты умрёшь до рассвета, быстро и почти безболезненно.

Я смотрела в его ледяные глаза – глаза фанатика, свято верящего в своё дело – и понимала: этот человек не станет играть в доброго и злого полицейского, не будет торговаться, не станет блефовать. Он получит то, что хочет, вопрос лишь в том, сколько боли мне предстоит пережить по пути к ответу.

Беда заключалась в том, что я понятия не имела, о чём он говорит.

Элеонора Вайс. Ковен. Ритуал. Разлом. Пустые слова для следователя убойного отдела из Москвы две тысячи двадцать пятого

года. Я могла бы рассказать ему про серийных убийц Бутовского леса, про схемы отмывания денег через сеть автомоек, про технику допроса, позволяющую разговорить самого упрямого подозреваемого. Но я не могла рассказать ему про магию, потому что магии не существует.

Или всё-таки существует?

Я сглотнула вязкую слюну, чувствуя, как пересохло во рту. Разум лихорадочно перебирал варианты и отбрасывал нерабочие один за другим. Признаться, что я не та, за кого меня принимают? Сочтут безумной или решат, что пытаюсь обмануть. Выдумать историю? Я слишком мало знаю, чтобы врать убедительно. Молчать? Тогда он снова применит этот стержень. И снова. И снова.

«Думай, Волкова. Думай, чёрт тебя дери».

И тогда из моего рта вырвалось единственное, что пришло в голову рациональной, прагматичной, насквозь материалистической части моего сознания. Единственное, что могло выиграть хоть немного времени.

– Я требую адвоката.

Тишина. Абсолютная, звенящая, оглушительная.

Бровь верховного инквизитора дрогнула. Впервые за всё время на его каменном лице мелькнуло что-то помимо холодной уверенности. Нечто похожее на удивление или, быть может, на искру любопытства.

– Адво... ката? – медленно повторил он, словно впервые пробуя на вкус незнакомое слово.